

# Жрец жрёт, а врач врёт?

**Н**енавижу уборки, особенно генеральные. А Игорек обожает. Достать пылесос, запустить стиральную машину, все передвинуть, перевернуть вверх ногами, а потом аккуратненько сложить и расставить — красота! Он любит, когда всё «на белой табуреточке да на вышитой салфеточке!» Ему даже само слово нравится: «генеральная».

— А на корабле, наверно, бывает адмиральная! — предполагает он, надраивая раковину, как матрос медушку.

Услышав, что уборка к генералу никакого отношения не имеет, работник немножко разочаровался, но утешился любопытной историей. И *генерал*, и *генеральный* происходят от латинского «генералис» — всеобщий, основной. С уборкой дальше все понятно, а вот с *генералом* получилось не так просто. В русский язык это слово пришло из немецкого, а немцы взяли его у французов (французский же — прямой потомок латыни), где оно было прилагательным. «*Saritaine gйпйрал*» означало что-то вроде «главного военачальника». А уж потом *генерал* выделился в самостоятельный чин.

— А *капитан* к *капитальному* имеет отношение? — спросил Игорек.

— Примерно такое же, как *генерал* к *генеральному*. *Капитан* происходит от латинского слова «капут», то есть «голова». Капитанами по всей средневековой Европе называли воевод. Наше слово *главный* тоже ведь от *головы*. От латинского «капуга» есть и другие слова, в том числе *капитальный*, то есть основательный, опять-таки главный.

— Ну да, вот ремонт бывает *капитальный*. Я только с капютом запутался. Капут — это же конец? Гитлер капут! Разве нет? Какая тут-то связь с головой?

— Это другой капут, он пришел из жаргона картежников. Тем же путем, что и генерал. Немцы позаимствовали у французов и принесли нам. Игроки говорили «faire sarot», когда кто-нибудь отрезал противнику всякую возможность выиграть, заставлял сдаваться. Тут тоже без *головы* не обошлось. «Капот» — «голова» по-провансальски, оттуда и пошло выражение.

— Нет, мама, эти корешки какие-то трудные.

— Это потому, что мы их тянем из других языков, а в нашем они не успели как следует разрастись.

Увлечшись этимологией, мы забыли про уборку — *генеральную*! — и сидели рядышком на кухне, отложив тряпки и губки. Игорек спохватился первым и снова нырнул в работу. Навел блеск на две пары ботинок, расставил книги на полках ровными шеренгами (что-то генеральское в его уборке все-таки присутствовало), а когда пришло время обеда, вдохновенно взбил миксером размороженную клубнику с сахаром.

— Ну, ты у меня молодец! И швец, и жнец, и на дуде игрец! — похвалила я сына.

— Надо же, какие слова похоже! — обрадовался он. — Прямо стихи: швец-жнец-игрец. Правда, *игреца* никакого нет, это, наверно, просто так, для складности прибавили.

Мы заспорили про *игреца* и призвали в судьи словарь Даля. *Игрец*, конечно, нашелся, хотя даже здесь, в словаре позапрошлого века, был обозначен пометой *стар*, то есть уже тогда слово было старинным. Но все-таки было: «актер, лицедей, шут, потешник напоказ, скоморох».

— А скоморохи на чем играли? На дудках. Вот тебе и *на дуде игрец*.

— Ну ладно, *игрец* так *игрец*. С *швецом* и *жнецом* все ясно. Один шьет, другой жнет.

— Смотри, как интересно. У каждого из этих слов была пара, женский род. *Швец* — *швея*, *жнец* — *жнея*. Не веришь — загляни опять в Даля. Но из первой пары в современном языке осталась форма женского рода, а из второй — мужского. Швея со жнецом уцелели, а швец со жней устарели.

Игорь искал другие слова, образованные так же:

— Ловец ловит, гордец гордится, скупец скупились, купец... ага, купец покупает, лжец лжёт. Ну а *жрец*? Он жрёт, что ли? Мясо жертвенных животных поедает?

Для младшего школьника гипотеза не так уж плоха. У меня своей не было. Спасибо словарям. *Жрец* не

жрёт, а приносит *жертву*. Порядок звуков в словах изменился, такое бывает нередко. Корень оказался древнейшим, индоевропейским, труднопроизносимым (что-то вроде «грнати»), означавшим «восхвалять, взывать». Древнерусская форма глагола *жертвовать* звучала как «жерети». Другое, похожее слово «жерати» относилось не к общению с Богом, а к обыкновенной жратве и тоже имело не менее древний корень, означавший всяческое глотание и поглощение.

— А вот еще одна странность, — вспомнил Игорь. — Есть слова на *-ач*. *Силач*, *богач* — пока все ясно, да?

— Если не считать подозрительного и тоже очень странного сходства *богатства* и *бога*. В Евангелии говорится, что *богатому* в Царство *Божие* войти так же трудно, как верблюду в игольное ушко.

— Наверно, тут тоже корни разные, хоть и похожие.

Исследовать так исследовать. Мы не поленились, снова зарылись в словари, и что же? *Богатый* оказался не чуждым *богу*! То и другое слово восходят к древнеиндийскому «бхага» — «благосостояние, счастье», а также «даряющий благо или счастье».

— Ну вот, что было неясно, прояснилось, — сказал Игорек. — Но я-то хотел не про богача спросить, а про врача. Получается, *врач врёт!*

Так и оказалось. Только смысл слова *врать* не всегда был такой, как сейчас. Словари отослали нас к уже известным *вещать* и *ворожить*, в первом значении — «говорить». *Врачам* когда-то называли не человека с дипломом медицинского института, а колдуна, который ворожил, лечил заклинаниями и заговорами. Ну а кто говорит, болтает, *врёт* слишком много, тот уж не врач, а *врун* или *враль*.

Хорошенько подумав, Игорек припомнил еще и *грача*. Этот что делает? Гракает, то есть каркает, сообщил нам этимологический словарь. От «плача» и «палача» я укрылась в ванной. Но, когда вышла, Игорек подждал меня с «мылом» и «зубилом», «ишаком» и «судаком». Ох, хватит, хватит на сегодня!

Зоя Кореш